

Ирина Цветкова

Рождённый в Третьем рейхе

* * *

Маленький Август долго ждал этого воскресенья. Ему был обещан поход в зоопарк, а потом — в кондитерскую герра Штойбера. Так сказала бабушка — за хорошее поведение он может заслужить это поощрение.

И вот воскресенье наступило. Они с бабушкой пошли в зоопарк. Обычно Август всюду ходил с няней. К ней он уже привык, мог и побаловаться, а вот бабушку, оперную певицу, приму городской оперы, он видел редко и немного побаивался. При ней он робел и становился послушным мальчиком.

До ворот зоопарка он спокойно шёл за руку с бабушкой. Но едва они перешагнули порог зверинца, мальчик в матросском костюмчике бросил бабушкину руку и побежал к вольерам с животными. Заглядывая сквозь ограду, отделяющую посетителей зверинца от его обитателей, Август с восхищением наблюдал за зверушками. Там был толстый гиппопотам, равнодушно жующий травку; долгошее жирафы; бурые и белые мишки, изнывающие от жары в

своих зимних шубах и периодически залезающие в воду, а потом, вволю накупавшись, с наслаждением отряхивающиеся так, что брызги долетали до зрителей. Малышня визжала от восторга. Гиганты-слоны набирали хоботом воду и обливали себя. Волки и лисы хитро шныряли в своих вольерах. Огромные кошки — львы, тигры, леопарды — лениво дремали кто где: тигры и львы на лужайках, а леопарды — на деревьях, свесив хвосты. В птичьих вольерах павлины ходили, распушив оперение, а страусы на высоких ногах тревожно оглядывались, готовые вот-вот при виде опасности спрятать голову в песок. Но особое внимание ребятни было привлечено к мартышкам. Шимпанзе, павианы, гиббоны, макаки и другие представители обезьяньего семейства собирали вокруг себя толпы зевак и всю потешали публику. Они прыгали по насестам, дрались, издавая обезьяньи вопли, чесали себе животики, корчили рожицы и при этом внимательно рассматривали толпу.

— Бабушка, бабушка, посмотри, какие тут обезьяны! — звал Август фрау Эльзу, не замечая, что её то и дело останавливают и просят автограф или просто выражают своё восхищение. Фрау Эльза Грюневальд, прима оперного театра, шагала по зверинцу на высоких каблуках, в красивом, ярком платье и с театрально уложенной причёской, чем

выделялась на общем фоне и сразу становилась узнаваемой. Она уже порядком утомилась следовать за мальчиком, ведь она привыкла к многочасовым репетициям, наложению грима, сложному вокалу и аншлагам, а вот быть нянькой для собственного внука так и не научилась. Ей хотелось скорее уйти отсюда, но она старалась не огорчить Августа, поэтому боролась с собой, выбирая лучшее решение в этой ситуации. «Скорей бы Лаура с Паулем приехали», — подумала она о дочери и зяте. Они и вправду должны были скоро приехать, а пока мальчик находился на попечении бабушки под присмотром опытной няни.

— Август, пойдём, дитя, — сказала она, отрывая его руку от металлического прута ограды. — Пойдём, нам ещё в кондитерскую надо сходить.

С явным сожалением малыш разжал вторую руку с другого прута. Ему не хотелось покидать это замечательное место. Но послушаться бабушку воспитанный немецкий мальчик не мог. К тому же, его ждала кондитерская герра Штойбера. А уж это место было объектом вожделения всех детей их города. Августу редко позволялось бывать там — взрослые берегли его зубы и вообще считали, что сладкое вредно. (Как будто сами не были маленькими и не понимали, что всегда хочется того, в чём тебе отказывают). Но сегодня Август

мог с радостью пойти к герру Штойберу и насладиться его произведениями. Да-да, кондитерские изделия герра Штойбера можно было с полным правом назвать произведениями искусства. Он сам создавал новые виды пирожных, тортов, украшал их шоколадными, сахарными и кремовыми фигурками, расписывал кремом торты так, что их можно было сразу отдавать в художественный музей. Порой детишкам было жалко есть то, что изображал гениальный кондитер на своих кондитерских изделиях.

Войдя в кондитерскую, Август остановился перед витриной. Он увидел столько самых разнообразных пирожных, тортов и видов мороженого, что сразу растерялся.

— Выбери, — великодушно сказала бабушка. — Что ты хочешь?

Какие же эти взрослые примитивные люди! А если хочется сразу всего? Почему надо выбирать и нельзя попробовать всё? Август умоляюще-выжидательно смотрел на бабушку снизу вверх.

— Что молчишь? Выбери!

— Я всё хочу, — скромно сказал мальчик.

Герр Штойбер улыбнулся. Это была наилучшая похвала для него. Он очень любил своё кафе, создавал его для таких вот благодарных посетителей. По стенам у него были развешаны

картины из сказок братьев Гримм, а многие пирожные назывались по имени персонажей этих сказок.

Фрау Эльза взяла право выбора в свои руки. Она заказала ванильное мороженое с шоколадом себе и внуку, ещё ему пирожное — «Грёзы маленькой Гретхен» и чай, а себе напиток «Янтарная Балтика». Домой ей упаковали торт «Сказки венского леса», на котором кондитер изобразил лес с белочкой и птичками, в центре — поляну с медведями на поваленных деревьях, а также первые ноты гениального одноимённого вальса.

Они сели за столик под навесом на улице и стали, не торопясь, смаковать мороженое.

— Август, ты воспитанный мальчик, — сказала ему бабушка, — не шали за столом, на нас люди смотрят.

Август старался изо всех сил быть воспитанным мальчиком. Конечно же, ему хотелось дать волю эмоциям, побегать, попрыгать, дёрнуть за косичку девчонку за соседним столиком, но приходилось держать себя в руках. С утра, между прочим!

— Скоро приедут мама и папа, — говорила ему фрау Эльза. — Надеюсь, они останутся до твоего дня рождения, который будет в августе. А в сентябре — у меня. Хоть бы Лаура никуда больше

не уезжала, хоть бы осталась с нами!

После кондитерской они прошились по берегу Балтийского моря. Волны ласково набегали на берег, стелясь им под ноги. Август старательно высматривал на берегу кусочки янтаря. Фрау Эльза рассказывала ему, что когда она была маленькой девочкой, такой, как он сейчас, она ходила с соседским мальчишкой искать янтарь на берегу моря. Она мечтала иметь ожерелье из кусочков янтаря, но только найденного собственными руками, а не купленного в магазине. Зная об этом, Август хотел сделать бабушке подарок: найти янтарь, чтоб она себе сделала если не бусы, то хотя бы колечко, ведь сама она тогда так и не нашла настоящего янтаря.

— Когда я вырасту, — сказал Август, — я найду тебе много-много янтаря. У тебя будет всё в янтаре!

— Спасибо, мой мальчик! — фрау Эльза прижала его к себе и поцеловала в макушку.

Они ещё долго ходили вдоль моря, слушая крики чаек. Август брал округлую, омытую морем морскую гальку и бросал в воду. Когда-то папа ему показывал, как можно бросать камушки, чтоб они несколько раз прыгали по воде. Но пока у Августа не получалось. Ничего, скоро папа приедет и научит!

В субботу они встречали Лауру и Пауля на городском вокзале. Величественное здание из стекла и камня, почему-то напоминающее фрау Эльзе с её богатым творческим воображением раскрывающийся цветок лотоса, — это и был вокзал, куда Август приходил встречать и провожать родителей. На перроне уже собрались встречающие. Фрау Эльза крепко держала мальчика за руку, чтоб не потерять его, и уверенно продвигалась сквозь толпу. Август семенил за ней, сам же он вовсе не желал так быстро идти, ему хотелось подольше постоять возле паровоза и получше рассмотреть его. Поэтому ноги его шли вперёд, а голова была повёрнута назад — туда, где стоял, отфыркиваясь белым дымом, красавец-исполин паровоз. У Августа было две больших любви: самолёты и поезда. Он никак не мог решить, кем ему стать: лётчиком или машинистом. Вот сейчас он увидел поезд и решил, что будет машинистом. (А когда, запрокинув голову, смотрел в небо на самолёты, ничуть не сомневался, что станет лётчиком).

Вот так, идя вперёд с повёрнутой назад головой, он не заметил, как уткнулся во что-то мягкое. И только запах — дыма, лекарств, полевых госпиталей, эшелонов с ранеными — это был запах

мамы. Он обеими руками обнял её и посмотрел вверх. Стройная, невысокого роста, Лаура была похожа на девочку-подростка. Она обнимала поочерёдно то сына, то мать, пытаясь сразу обоих взять в объятия.

— А где Пауль? — спросила фрау Эльза.

— Его не отпустили, — ответила Лаура. — Не разрешили сразу двум военным врачам покинуть госпиталь.

Они приехали домой. Лаура приняла ванну и вышла оттуда в мягком белом пушистом домашнем халате и комнатных тапочках. И сразу перестала быть военным врачом, стала мамой и дочерью. Они сели за стол и долго говорили, забывая о еде, обо всём на свете. Лаура расспрашивала, как они тут без неё жили, рассказывала, как она там, далеко, на Восточном фронте, лечит своих раненых — солдат вермахта. Фрау Эльза качала головой, не представляя, как её хрупкая дочь ставит на ноги сотни, а то и тысячи немецких военных.

— Говорят, там местное население совсем дикое, — сказала она.

— Люди как люди, — пожала плечами Лаура. — Везде люди живут.

Вечером, уложив спать Августа, мать и дочь ещё долго разговаривали.

— Я приехала на десять дней, — сказала Лаура, — а потом снова — к операционному столу.

— Как же так! — воскликнула фрау Эльза. — В августе у твоего сына первый юбилей в жизни — пять лет, а тебя не будет с ним?! А в сентябре у меня настоящий юбилей, а потом бенефис в театре. Я думала, что моя семья будет сидеть в первом ряду в полном составе на бенефисе. Я уже заказала пять концертных платьев — шикарных, роскошных, и одно — на банкет после бенефиса. Неужели вы не приедете?!

— Не забывай, что мы всего лишь солдаты фюрера. Но на твой бенефис мы обязательно приедем. К счастью, ты очень известная певица, тебя многие знают и любят, поэтому наше командование, зная, что я — твоя дочь, непременно нас отпустит на твой юбилей.

— Лаура, Лаура, — качала головой фрау Эльза. — И почему ты не стала музыкантом? У тебя прекрасные данные для этого. Ты замечательно играла на скрипке, могла бы сейчас сидеть в оркестре в нашем театре, а не ходить в пропахшей лекарствами военной форме.

— Мама! Мы не воюем, мы спасаем жизни, а это гораздо важнее музыки!

— Дочь моя! Искусство вечно! Меняются правительства, общественные формации, а искусство неизменно живёт. Оно лечит заблудшие души; служить искусству — вот высшее предназначение на земле. И мне дико видеть свою

дочь в военной форме, я привыкла тебя видеть со скрипкой в руках.

— Хочешь знать правду? — устало спросила Лаура. — Именно потому, что ты меня заставляла заниматься скрипкой, я теперь ненавижу музыку.

— Да что ты такое говоришь! — всплеснула руками фрау Эльза. — Музыка — это святое!

— Да, я ненавижу музыку. И театр тоже, потому что я тебя никогда не видела, ты всё время была в театре, а на меня у тебя никогда не было времени.

— Ты не пошла в театр, ты стала врачом, но у тебя тоже нет времени на собственного ребёнка! — парировала фрау Эльза.

— Вот об этом я и хотела тебе сказать, — начала Лаура. — Я возьму Августа с собой, Пауль хочет его видеть, соскучился. А потом мы его привезём, когда приедем к тебе на бенефис.

— Дочь моя! — вновь всплеснула руками фрау Эльза. — Да в своём ли ты уме?! Брать ребёнка на войну — это же безумие!

— Мама, мы не на войне. Мы далеко от линии фронта, в глубоком тылу. Мы живём в прекрасном курортном городке в Крыму, так что наш сын прекрасно оздоровится там. У нас чудесный воздух, овощи, фрукты и даже тёплое море недалеко.

— Но в тылу жуткие партизаны!

— Успокойся, у нас их нет. Их в самом начале

всех убрали. Так что в этом отношении у нас спокойно.

— Лаура, Лаура, — качала головой фрау Эльза. — Надеюсь, к отъезду ты передумаешь везти ребёнка с собой.

— Пауль хочет видеть сына, — ответила Лаура.

— Но вы же приедете ко мне на бенефис! Вот и увидит!

— Мама, я прошу тебя, не надо эмоций. Я же тебе объясняю: у нас там замечательная природа, Август отдохнёт там.

— А с кем же он будет, пока вы в операционной? — фрау Эльза поняла, что спорить с её хрупкой дочерью бесполезно.

— Найдётся добрая душа. Там ведь много людей работает в нашем госпитале. Да и мы не всегда одновременно в операционной находимся.

Фрау Эльза знала, что будет так, как решат родители. Но последний выпад всё же сделала.

— Пауль, видите ли, захотел! Да что ты вообще в нём нашла? Какой из него муж? Молчит всё время — зачем такой муж?

— А зачем мне болтун? — парировала Лаура. — Меня вполне устраивает мой муж.

— Вот он тебя и сбил с толку. Была бы сейчас рядом со мной. Так нет, на войну поехала. Сына бросили, поехали под пули. Ещё неизвестно, чем

всё это кончится для нас, немцев.

— Мама, меня не интересует политика! Мне всё равно кто с кем и зачем воюет. Я — врач, я знаю, что я нужна там, где умирают люди — и я пошла туда. Мы спасаем человеческие жизни, а давать оценку действиям наших руководителей — это не моё дело.

— Ладно, спать пора. Какие планы на завтра? — перевела разговор фрау Эльза.

— Хочу к отцу сходить, — сказала Лаура.

— К отцу? — негодуяще воскликнула фрау Эльза. Она давно была в разводе, маленькой Лауре было два года, когда они расстались. С тех пор они с бывшим мужем не виделись и слышать друг о друге не хотели. Что между ними произошло, не знала даже дочь, но в детстве тайком от матери она встречалась с отцом. Теперь, будучи взрослой, имея собственного ребёнка, она решила, что не стоит скрывать факт общения с отцом. Но ошиблась. Фрау Эльза не была готова к такому предательству.

— Ты пойдёшь к этому мерзавцу?! К этому негодяю?! Да как ты можешь так поступить со мной?

— Мама, прошу тебя, не надо. Он мой отец. К тому же, он известный адвокат, уважаемый в городе человек. Что вы там не поделили — не знаю, но я, как и все люди на земле, имею право на отца. И не надо мне навязывать своё мнение. Я уже взрослая и

вправе сама решать, с кем мне общаться.

* * *

За время своего короткого отпуска Лаура дважды виделась с отцом. Первый раз она пошла одна, а в другой раз — с сыном. Герр Хорст Грюневальд, как всегда, был очень занят, работал с документами своих доверителей, поэтому мог уделить лишь несколько минут своего внимания. Его время стоило очень дорого.

— Я очень рад, что ты пришла, — сказал он дочери, когда она на следующий день после приезда пришла к отцу. — А где Август, почему ты его не взяла с собой? Ты же знаешь, хоть мы и живём в одном городе, твоя мать не даёт мне видеть внука.

— Хорошо, я приведу его, — ответила Лаура, польщённая тем, что её ребёнок интересует отца. — Как ты, как живёшь, как здоровье?

— Да у меня-то нормально. Ты же на войне, ты расскажи, как ты там, на войне, живёшь?

— Я далеко от войны. Мы в глубоком тылу. Спасаем наших солдат и офицеров. Работа как работа. Работаем так же, как и тут бы работали. Делаем операции, переливания крови, Вообще, ставим на ноги солдат вермахта.

— Я горжусь тобой, дочь. Ты так обыденно

говоришь о том, что нам здесь, не знаящим, что такое Восточный фронт и Россия, может показаться, что там действительно всё прекрасно, безоблачно и безобидно.

Они обнялись. Адвокат спешил к клиенту, поэтому они попрощались. В следующий раз Лаура пришла не одна. Её отец очень обрадовался, увидев внука.

— А вот и продолжатель моего дела! Будешь адвокатом? Хочешь работать в этом кабинете? — тискал он в объятиях маленького Августа. Смущённый мальчик не сопротивлялся и кивал головой.

— Доктор Август Линде, мой наследник! Звучит! Я завещаю тебе свою контору.

И опять заторопился к очередному клиенту. Они обнялись на прощание.

— Я горжусь своей дочерью, — сказал герр Грюневальд. — Никогда не думал, что ты такая стойкая, что пойдёшь в самое пекло и будешь вытаскивать людей с того света. Все мои знакомые знают об этом и восхищаются тобой!

И всё же, расставаясь, оба чувствовали, что они так много не сказали друг другу...

Потом Лаура с сыном навестили родителей Пауля. Это была очень богатая семья, они владели несколькими текстильными предприятиями, большинство из которых сейчас работало для

фронта: выпускали ткани для солдатской формы и офицерских мундиров. У них было три сына, все они находились на Восточном фронте. Хотя, точнее сказать, теперь один Пауль, средний сын, был на Востоке. Фотографии старшего Вальтера, отца двух детей, и младшего Курта, совсем ещё юного мальчика, уже стояли в траурных рамках.

Фрау Ангела и герр Вильгельм Линде встретили Лауру и Августа сдержанно. Нет, безусловно, они обрадовались, увидя невестку и внука, но не тот момент был, чтоб бурно проявлять свою радость. Фрау Ангела, уже отплакавшая своё горе, прижала к себе Лауру и маленького Августа. Она не снимала чёрного платья.

— Хорошо, что пришла, Лаура, — сказала она. — Как наш Пауль?

— Он оперирует. Его не отпустили из госпиталя, работы много. Мы приедем вместе в сентябре на юбилей моей мамы.

Они сели вместе обедать в просторной столовой, где за большим обеденным столом было так много пустых мест...

В беседе её расспрашивали о России, о госпитале, о местных жителях и вообще о войне. Герр Вильгельм сказал, что у него остался один сын и ему бы следовало вернуться в Германию, ведь кому-то надо унаследовать текстильную империю.

— Но Пауль — врач, — робко возразила

Лаура. — Он не раз мне говорил, что ничего не понимает в бизнесе и экономике, поэтому не собирается заниматься семейным бизнесом.

— Неважно, что говорил Пауль, — резко ответил Вильгельм Линде. — У меня из трёх сыновей остался один. Он должен принять дело, ведь больше некому.

Помолчав, он продолжил:

— Да, я готовил для этого Вальтера. Но Вальтера нет. И Курта нет. Есть только Пауль, он обязан вести семейное дело.

Август, следивший за разговором, понял, что речь идёт о его папе, которого принуждают делать что-то такое, чего он не хочет. И сын понял, что должен постоять за отца.

— Я займусь семейным делом, — серьёзно сказал маленький мальчик. — Я стану вашим помощником и буду управлять фабриками.

* * *

Десятидневный отпуск пролетел незаметно. И вот они снова на вокзале у пышущего паром паровоза, отфыркивающегося во все стороны. Август в специально сшитом для этого случая костюмчике — курточке и штанишках до колен, как носят все немецкие мальчики, стоял на перроне, прощаясь с бабушками, дедушкой, тётей, кузенами.

Все его целовали, тискали, желали скорейшего возвращения, высказывались Лауре о том, что это чистое безумие — брать с собой ребёнка.

Август мало вникал в разговоры взрослых. Ему хотелось поскорее зайти в вагон и поехать путешествовать, ведь он мечтал стать машинистом. Тем более что в конце путешествия его ждёт папа, с которым они очень хотят друг друга увидеть. Август беспокойно посматривал в сторону вагона и рассеянно слушал пожелания родственников. Наконец, проводник стал торопить отъезжающих, прося их занять свои места. Тут начались прощальные слёзы, объятия и поцелуи.

Фрау Эльза обняла внука, поцеловала его, стесняющегося бабушкиных ласк, и вдруг на какой-то миг ей почудилось, что она видит его в последний раз. Она крепко прижимала его к себе, а ей казалось, что объятия её пусты, будто она обнимает воздух и там никого нет... Да нет же, вот он, живой и здоровый, её маленький улыбающийся крепыш Август. Она тут же прогнала от себя это наваждение.

Лаура с сыном вошли в вагон. Поезд тронулся, и перрон с провожающими стал отставать, уходить назад, вскоре вообще исчез. Поезд пошёл на восток.

А провожающие ещё долго стояли на перроне, глядя вслед удаляющемуся пассажирскому

составу...

* * *

Август быстро освоился на новом месте. Ему всё было интересно. Любознательному мальчишке всё хотелось самому рассмотреть, попробовать, потрогать. Правда, ему не разрешалось выходить за пределы госпитального городка во избежание каких-либо неприятностей и неожиданностей. Поэтому он всегда находился на территории госпиталя. Пока родители были в операционной, он ходил то на больничную кухню, где ему всегда перепадало что-нибудь вкусненькое, то бродил по аллеям, глядя, как раненые после операций и лечения заново учатся ходить, то следил за жизнью насекомых. Он нашёл муравейники и смотрел, как муравьишки собирают себе пропитание на зиму. Они тащили домой разные крошки и травинки. Август приносил с кухни кусочки хлеба или сахара и подкладывал им. Сбегалось множество муравьёв, они выползали из муравейника, облепляли неожиданно свалившийся на них подарок, и вскоре от него не оставалось ничего — всё было перенесено в подземные закрома. Ещё Август проводил такие эксперименты: брал муравья из одного муравейника и запускал его в другой. К нему сразу же сбегались «местные», а он со всех

ног бросался наутёк. Август травинкой возвращал его, не давая сбежать. Но хозяева не соглашались с таким вторжением, нападали на пришельца, а он вновь спасался бегством...

Очень нравились Августу стрекозы. Их было много, они летали везде, часто садились на садовые цветы на клумбах и цветниках и на бельевые верёвки. Они сидели, гордо расправив крылышки в разные стороны, но едва он приближался к ним, они, словно прислушиваясь, опускали их ниже и ниже и, как только он протягивал руку, они неожиданно взлетали. А если удавалось поймать стрекозу, Август, держа её за крылья, давал ей палец другой руки. Та вцеплялась в него всеми своими лапками и пыталась его при этом укусить. Были видны её маленькие челюсти, которыми она хватала его за палец. Август смеялся от щекотки и выпускал пленницу. Стрекоза, распрямив крылья, улетала высоко в небо. Обычно стрекозы были жёлтенькими, но изредка попадались и красные, они назывались пожарниками. Августу лишь раз удалось поймать «пожарника». А ещё он видел больших, почти гигантских стрекоз, они появлялись только вечером, и поймать их было невозможно. Были и мелкие, вовсе не стрекозы, но похожие на них, очень тоненькие, миниатюрные, их называли иголочками. Крылышки у них были совсем узенькие, ему страшно было покалечить это

существо, поэтому Август не ловил «иглочек», а только смотрел на них.

А ещё кузнечики, божьи коровки...

Так летели дни. Изредка, когда у родителей выпадало свободное время, они ездили к морю. Тёплое летнее море — вовсе не то, холодное, на берегу которого вырос Август. Здесь можно было бултыхаться в воде хоть целый день — и не замёрзнуть. Он плавал, нырял, плескался, солёная морская вода попадала в рот, нос, уши — но Август был счастлив. Море, солнце, песок, рядом мама и папа — что ещё надо ребёнку? Бронзовый морской загар ровным слоем лёг на его тело. А морская вода была так чиста и прозрачна, что Август, заходя в море, видел дно и свои ноги, идущие по нему...

Но эти праздники — поездки на море — были не так часты. Обычными были будни. Операции, стоны раненых, кровавые бинты... Особенно страшно было, когда приходил санитарный эшелон и привозил новых раненых. Август убегал, прятался и только изредка выглядывал в больничный двор, где принимали раненых. Он не хотел видеть мучений, не понимал, за что страдают эти люди, почему взрослые мужчины кричат от боли. Зачем всё это? Неужели нельзя жить без этого?...

С приходом санитарных эшелонов с фронта военные хирурги сутками не выходили из операционной. Лаура Линде была особенным

хирургом. Годы занятий ненавистой скрипкой не прошли даром: у неё развилась необыкновенная чувствительность кончиков пальцев, что давало ей возможность выполнять на операционном столе самую ювелирно тонкую работу. Ей поручали самых тяжёлых и почти безнадёжных больных. Своими тонкими, чувствительными пальчиками она могла проникнуть туда, куда её коллеги-мужчины не смогли бы добраться. И зашивала раны искусно, оставляя минимальные рубцы.

— Штопать ты у нас мастерица, — говорили ей врачи госпиталя, все они были мужчинами, но признавали, что Лауре подвластно в их ремесле то, чего не достичь им.

Медсёстрами в их госпитале работали не только немки, но и местные жительницы — крымские татарки. Август боялся этих черноволосых женщин, гортанно переключавшихся между собой на непонятном ему языке. Особенно ему становилось страшно, когда он ловил на себе их взгляд. Видя, что его бесцеремонно рассматривают, он старался исчезнуть. Ему было не по себе под прицелом чёрных глаз.

Август постоянно находился среди взрослых. Детей в их госпитале не было, а выходить за его пределы ему строго воспрещалось. Конечно же, ему очень хотелось побывать там, куда ему было нельзя. Но добропорядочный немецкий мальчик не

мог послушаться старших. Поэтому, постоянно находясь среди взрослых, он поневоле становился слушателем и свидетелем их разговоров и ссор. Самое неприятное, что стали ссориться его родители. Его отец, Пауль, обычно молчаливый и сосредоточенный на своей профессии, стал упрекать жену Лауру в том, что ей оказывает знаки внимания их общий коллега Дитер Мюллер.

— Почему ты стояла с ним у окна? О чём вы говорили? Почему ты смеялась вместе с ним? — не обращая внимания на присутствующего рядом сына, выговаривал он жене.

— Пауль, что у тебя на уме? О чём ты сам себе нафантазировал? Мы вышли после тяжёлой операции, надо было отвлечься, расслабиться, вот он мне и рассказал несколько анекдотов, а потом — снова в операционную.

— Я видел, как он на тебя смотрел! Не отпирайся, он подбивает к тебе клинья! Почему ты его не гонишь, а строишь ему глазки?

— Пауль! Очнись! Вспомни, где мы находимся, вспомни, что идёт война. О чём ты говоришь?

— Вот именно, идёт война, рядом твой муж и твой сын, а ты на глазах у них флиртуешь с другим мужчиной.

— Тебе не стыдно при ребёнке говорить такие вещи? — вырвалось у Лауры.

— Но тебе же не стыдно флиртовать при ребёнке!

Лаура ответила ему звонкой пощёчиной и ушла, уведя за руку Августа. Ему очень не нравилось, что родители ругаются. Но что он мог сделать?

В госпитале катастрофически не хватало крови. Почти каждому раненому требовалось переливание, а крови не было. Случалось, Лаура или другие хирурги сами ложились под систему для прямого переливания крови. Отдав свою кровь, они вновь становились к операционному столу. Но проблема отсутствия крови не только не исчерпывалась, она нарастала с каждым днём. Такая же проблема, очевидно, была и в других немецких госпиталях, поэтому этот вопрос решался глобально на очень высоком уровне. Первоначально пришёл приказ брать кровь у евреев: всё равно их расстреливают, чего добру пропадать, ещё и пули на них тратить. Но потом приехал оберштурмбанфюрер Кирш с личным распоряжением фюрера: не портить великую арийскую расу еврейской кровью. Кирш собрал весь медперсонал госпиталя на беседу. Август, который играл машинками на подоконнике актового зала школы, где располагался госпиталь, спрятался за штору. Он боялся этого всегда злого Кирша, который никогда не улыбался, но

разговаривал приказным тоном, не терпящим возражений.

— Господа хирурги! Я привёз вам личное распоряжение нашего великого фюрера. Он нашёл выход из сложившейся ситуации. Наш фюрер, как всегда, мудр и прозорлив. Отныне вы будете брать кровь у советских военнопленных. Мы будем вам поставлять раненых и военнопленных, а вы будете брать у них кровь всю без остатка.

— Герр оберштурмбанфюрер! — Лаура первая подала голос после всеобщего молчания. — Вы, очевидно, забываете, что перед вами врачи, а не убийцы. Суть нашей профессии состоит в том, чтобы возвращать людей к жизни, а не отнимать её. Ни у кого из нас не поднимется рука лишить людей жизни.

Кирш смерил её презрительным взглядом и произнёс:

— Вот глупая баба! Займитесь-ка лучше тем, для чего вы предназначены: церковь, кухня, дети, платья. И не лезьте в мужские дела. Мы без вас решим свои проблемы, — и он повернулся к мужской части сотрудников госпиталя.

Но каждый из них ответил категорическим отказом. Немецкие врачи не хотели выкачивать кровь из советских военнопленных. Кирш старался не показывать, что теряет самообладание, но это было видно.

— Это что, бунт?! Вы отказываетесь выполнять приказ фюрера? Вы давали присягу нашему великому фюреру!

— Мы давали клятву Гиппократа, — возразила Лаура. — Мы не имеем права убивать.

Кирш где-то слышал это имя, но не мог вспомнить, кто это, где он служит и какое у него звание. Поэтому он благоразумно промолчал при упоминании о Гиппократе. А вдруг он на самом верху?...

В зал осторожно вошли опоздавшие. Это были местные жительницы, работавшие на немцев, которые задержались на дежурстве. Пришедшие долго не могли понять, из-за чего разгорелся такой сыр-бор.

— За невыполнение приказа фюрера я имею право вас расстрелять! — Кирш похлопал по кобуре у пояса.

— Вы можете нас расстрелять, но вы не можете заставить нас совершать убийства, какой бы великой целью это не оправдывалось, — твёрдо сказала Лаура. Её поддержали Пауль, Дитер Мюллер и другие врачи госпиталя. Кирш стоял перед ними и не знал, что делать. Неужели придётся расстреливать?...

Спасение пришло неожиданно. Опоздавшие черноволосые женщины, разобравшись наконец с проблемой, вышли вперед.

— О чём речь? Мы готовы брать кровь у советских военнопленных.

С тех пор Август видел, как приходили машины с ранеными и военнопленными, а потом с заднего хода госпиталя грузовики вывозили бездыханные тела. Немецкие сотрудники, до этого благосклонно относившиеся к своим черноглазым помощницам, с этих пор стали избегать их.

* * *

Оберштурмбанфюрер Кирш, оставшийся следить за обстановкой, невзлюбил Лауру. Когда Август попадался ему на пути, он раздражался грубой бранью и кричал, что пристрелит пашёнка, если тот будет болтаться у него под ногами.

— Развели детский сад! — кричал он. — Заберите его, а то пристрелю или растопчу!

Лаура считала дни, когда им удастся уехать на юбилей матери и оставить там ребёнка. Но она не знала, какого врага приобрела в лице Кирша. Когда формировался очередной эшелон на фронт за ранеными, Кирш приказал Лауре отправляться туда.

— И выродка своего не забудьте взять с собой, — с явным удовольствием говорил он.

Пауль не мог остаться в стороне, он изъявил желание отправиться с семьёй на фронт. Тем более

что Дитер Мюллер тоже был в составе бригады врачей.

Так они отправились в санитарном эшелоне на фронт. Пока ехали туда, вагоны были пусты и военные врачи занимались, кто чем мог. Для них это был отдых от каждодневных стояний у операционного стола. Пауль не отходил от любимой жены, а Августом занимался Дитер. Он учил его делать из бумаги разные фигурки, показывал фокусы и рассказывал про Ундины и Лорелей. За окном мелькали разрушенные города и сёла и живописные пейзажи. Август с интересом всматривался в окно. Ему нравилось наблюдать за жизнью чужой страны. А Лаура изучала график движения эшелона, чтобы успеть вернуться в Джанкой и потом поехать к матери.

— Вообще-то, мы успеваем к ней на юбилей. Если не попадём под обстрел или бомбёжку, если не будет никаких непредвиденных ситуаций, мы приедем назад вовремя. И сразу поедem в Германию, — говорила она.

— Как бы Кирш не испортил нам всего. Вдруг он откажет нам в отпуске? — предположил Пауль.

— Ради того, чтоб я отвезла Августа, он нас отпустит, — сказала Лаура, до конца не веря в правоту своих слов.

— А ради того, чтоб досадить тебе, он может отменить наш отпуск, — ответил Пауль. У него

было больше уверенности в своих словах, чем у Лауры. Впрочем, всё равно они надеялись на лучшее: ведь их сентябрьский отпуск был заранее утверждён начальством.

Прибыв к линии фронта, они стали принимать раненых. В вагоны заносили искалеченных людей. Вскоре все вагоны заполнились стонущими, в окровавленных бинтах солдатами и офицерами. Каждому из них требовалась помощь. Кому-то операция, кому-то ампутация... Кто-то кричал, кто-то стонал, кто-то мужественно переносил боль. Для врачей был непочатый край работы. Август остался предоставленным самому себе. В купе проводника он скромно сидел у окна и смотрел на пронесившиеся мимо него леса и поля. И вдруг вокруг поезда стало всё взрываться, огромные массы земли взлетали в воздух, с верхних полок падали раненые. От взрывной волны вылетело оконное стекло и, полоснув Августа по лбу, разбилось вдребезги и разлетелось по полу. Мальчик ойкнул, приложил ладошку ко лбу, а потом посмотрел на неё — она была в крови. Кровь стала заливать его костюмчик. Август испугался не на шутку, даже заплакал, но потом вспомнил, что рядом с ним люди с ещё более страшными ранами и замолчал.

Эшелон всё также нёсся дальше, не останавливаясь. В вагон пришёл Дитер Мюллер, он

стал помогать поднимать на вторую полку упавших раненых, попутно выясняя, кому нужна помощь, кто пострадал от взрывов. Заглянув в купе, доктор Мюллер обомлел: маленький Август, весь в крови, смотрел на него испуганными глазами. Он не плакал. Вокруг лежали осколки битого стекла, а в разбитое окно врывается ветер.

— Что с тобой? — доктор Мюллер стал осматривать малыша. Пока его родители спасают жизнь другим людям, доктор Мюллер должен помочь Августу. Убедившись, что у него на лбу всего лишь неглубокий порез от пролетевшего по касательной стекла, он промыл и обработал рану, наложил повязку.

— Теперь переодеться надо, — сказал он. — У тебя есть другая одежда?

Август кивнул, хотя это оказалось больно. Дитер нашёл другой костюмчик, передел его, окровавленную одежду забрал.

Лаура и Пауль лишь через несколько часов, завершив операцию, смогли вырваться к сыну. Увидев забинтованную голову мальчика, Лаура прижала его к себе: «Прости меня, мой малыш...»

— Мы на войне, — выдавил из себя Пауль. На нём лица не было, когда он смотрел на сына.

Чем дальше они отъезжали от линии фронта, тем становилось спокойнее. Бомбёжек и обстрелов не было. Правда, существовала вероятность

вылазки партизан, об их коварстве все знали. Они могли подложить взрывчатку под железнодорожное полотно. Но пока такого не случилось. Настроение поднималось: до Джанкоя оставалось несколько часов пути. Рано утром они должны прибыть в пункт назначения. Лаура уже предвкушала радость от поездки на родину, но одна мысль её пугала: как она покажет матери Августа с забинтованной головой? Фрау Эльза, конечно же, строго отчитает Лауру за то, что подвергла мальчика смертельной опасности. Но она же не предполагала, что их пошлют на фронт...

Колёса мерно стучали. Они всё ближе и ближе к месту назначения. Лаура, дежурившая ночью, обходила больных, проверяя, не нужна ли кому-то из них её помощь. Остальные хирурги спали. За время поездки все приучились спать в одежде, ведь во всякий момент могла случиться любая неожиданность. Лаура, проходя по полутёмным, с приглушённым светом вагонам, смотрела на спящих раненых и думала, что уже следующей ночью она будет спать по-человечески: снимет военную форму, наденет чистое бельё, свежую ночную рубашку, впитавшую в себя аромат крымского воздуха, ведь она после стирки сушилась на улице...

Эшелон стремительно нёсся в ночи вперёд. Машинисты тоже ждали конца пути: устали в